

**ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ**

**МЕЖДУ ПУЛЕЙ
И ЛЮБОВЬЮ**

НА БЕЗЛЮДНОМ ПУСТЫРЕ
НЕ БУДЕТ СВИДЕТЕЛЕЙ

18+

Колычев. Лучшая криминальная драма

Владимир Колычев

Между пулей и любовью

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Между пулей и любовью / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2025 — (Колычев. Лучшая криминальная драма)

ISBN 978-5-04-247801-7

Начало девяностых. Вернувшись из армии, Рэм Каменев решает открыть свой бизнес. Вместе с друзьями он планирует взять под контроль местный рынок. Но там уже есть хозяин — банкир Викентий Верлинский. Так просто он свое не отдаст. Между конкурентами завязывается жестокий поединок. Он уже готов решиться в пользу сильнейшего, но тут неожиданно в дело вмешивается возлюбленная Верлинского — Ульяна. Рэм становится заложником чувств к этой привлекательной девушке и ослабляет хватку. С этого момента война принимает для обеих сторон непредсказуемый характер... Еще одна захватывающая история, в которой человеческие чувства проходят жестокие испытания суровыми обстоятельствами. Автор-сила, автор-любовь, автор-ностальгия — по временам, когда миром правили строгие понятия и настоящие мужики.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247801-7

© Колычев В. Г., 2025
© Эксмо, 2025

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владимир Григорьевич Колычев

Между пулей и любовью

* * *

© Колычев В.Г., 2025

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Часть первая

Глава 1

Два года тянулись как вечность, и вдруг жизнь закрутилась с сумасшедшей скоростью. Старшина отвозит на вокзал, сутки в поезде, московские высотки в окне вагона, родной двор, где все до боли знакомо, запертая дверь квартиры. Соседка подсказала, куда идти, а Рэм уже знал, что его родные занялись челночным бизнесом, за границу мотаются, шмотки в Москву возят. Рынок на пустыре открылся, туда Рэм и отправился. Пустырь большой, а рынок маленький, асфальт на земле, палатки однотонные стоят стройными рядами, все как в армии. С обустройством чувствовался порядок, а вот отношение к людям – чистый беспредел. Рэм рот открыл, увидев, как бритый под ноль детина с заостренным как у Мефистофеля подбородком сграбастал его родную Дашу за косу, чтобы намотать волосы на кулак. Вторым собирался схватить ее за лицо, но Рэм успел перехватить его за руку. Возможно, это последнее, что Рэм успеет сделать в своей жизни. Он один, а бандитов трое, еще двое чуть в сторонке кому-то что-то объясняют, пальцы веером. Морды незнакомые, все бойцовской породы, крепкие на вид, тренированные. С двумя Рэм еще справится, а со всеми точно нет. Но никто не смеет безнаказанно глумиться над его родными. Сестру на глазах у толпы унизили, мать всю трясет, за сердце, бедная, хватается, как бы приступ не случился.

– Я не понял!

Детина действительно ничего не понял, ему бы руку сначала вырвать из ладони Рэма, а потом уже к нему разворачиваться, выяснять, в чем дело. А он сразу лицом к противнику, думал, рука сама выскользнет из захвата. Как бы не так! Рэм хоть и в обычной пехоте служил, но в разведоте, да и раньше борьбой занимался.

Рычаг руки наружу заставил детину выгнуться назад. Ударить бы по ногам, провести подсечку, но времени нет, пора переключаться на следующего.

Рэм понимал, что не потянет против такой оравы, но выяснять он ничего не собирался. Да и поздно уже, драка началась. И бить нужно первым, даже если шансов победить нет.

«Афганка» на нем, куртка заправлена в брюки, ремень быстро не снять, но сапоги на ногах тяжелые, кондовые, каблук подкованный. Каблуком он и въехал в пах мордастому жлобу с тупым взглядом осла. Жаль, не в промежность снизу, а просто в низ живота со смещением к бедру, впрочем, и этого хватило, чтобы чувак сложился вдвое. Добить бы, но сзади уже несется «бронепоезд», еще один бугай, этот уже размахнулся для удара. Рэм успел только чуть сдаться в сторону, направленный в затылок кулак скользнул по уху, но все равно больно. От второго удара уклониться не удалось, тяжелый кулак будто кувалда опустился на темечко. В глазах потемнело, в голове зашумело, но Рэм сумел все-таки развернуться к противнику лицом. В свое время он собаку съел на уличных драках, такую ватагу в бой водил, причем бились на том самом пустыре, окраину которого захватил рынок. И сейчас он знал, что делать. Размахнуться не успевал, поэтому бросился в ноги, сгреб в охапку, оторвал противника от земли, а сила в руках медвежья, и на ногах он стоял крепко. Толчок, рывок, и вот уже бугай летит на землю затылком вниз. Но в себя пришел стриженный, Рэм ударил его ногой в живот из положения сзади, мощно вlepил, но и сам пропустил удар, едва удержался на ногах. И мордастый уже на ногах, и бугай, а еще двое из ларца подскочили.

Даша с визгом прыгнула на стриженного, тот скинул ее с себя, она рухнула на столик с товаром, подминая его под себя, вместе с ним свалилась на землю. А Рэм все держался, отбивался, сам оказался в каком-то ларьке, перевернул стол-прилавок. Крики, мат, но доносились

они до него как будто с далекой планеты, в ушах звонкий шум, снова кулак прилетел, в черепной коробке загудело.

Палатка держалась – не падала, не сминалась. И не позволяла атаковать Рэма с флангов и тыла. Но шансов победить у него все равно никаких. И руками его били, и ногами, он уже только отбивался.

– А разойдись! – заорал вдруг мордастый.

Его дружки расступились, и он понесся на Рэма с пожарным багром наперевес. Он собирался ударить им как копьём, удар мог оказаться смертельным. Но лучше багор, чем волына.

Рэм едва держался на ногах, перед глазами пульсирующая муть, но уйти от удара он успел. Перехватил багор, дернул на себя, но вырвать не сумел. Мало того, за багор с другой стороны схватились двое, втроем они смогли выдернуть Рэма из палатки, он оказался в проходе, и удары обрушились на него со всех сторон в то время, как он продолжал удерживать багор. Еще немного – и все, если упадет, подняться ему не дадут.

– Наших быют! – донесся вдруг откуда-то крик.

Рэм и не понял, кто на скорости звука влетел в толпу, размахивая руками, но мордастый упал, пропустив удар локтем в затылок. Удар у Беляша убойный, а это он пришел на помощь.

Толпа переключилась на Егора, но у Рэма открылось второе дыхание. Тем более что багор так и остался у него в руках.

– Убью! – как бешеный заорал он, ударом назад ткнув кого-то древком в живот.

А острием он мог ударить стриженного под ноль, тот это понял, резко подался назад, толкнув кого-то из своих. Убивать его Рэм не стал, размахнулся, чтобы ударить голым концом древка. Но бандит продолжал пятиться, увлекая за собой других. И правильно сделал, к Беляшу подскочил Мишка Веселов с монтировкой в руке. А Весельчак пацан здоровый, жирком, правда, подернулся. На вольных хлебах. Забыл про качалку, придется напомнить. Но это будет потом.

Стриженный отошел на безопасное расстояние, глянул на своих, вроде все на месте, мордой об асфальт никто не трется. Но и Рэм уже не один, Беляш с ним и Весельчак, это его пацаны. А тут еще два каких-то мужика, совсем уже взрослые, рядом с ними встали, рукава закатывают. Одного Рэм узнал, из соседнего дома, по делам с ним не пересекался, так, видел пару раз. Другого он видел впервые, но и этот уже свой, потому что вызвался вступить за Рэма. Невысокий, щуплый, но в пружину сжался так, что на два метра подскочит, если тронуть. Злость в глазах осознанная, видно, счета у мужика к братве.

– Борзые, да? – ударив себя в грудь, махнул рукой стриженный. – Ну ничего!

Испугался, но хорохорится, пузыри пускает. Сейчас за подмогой сходит и вернется, вот тогда станет ясно, кто здесь король. Чувак даже не сомневался, что Рэм позволит ему уйти. Но не тут-то было.

– Что ничего?

Рэм рванул к нему, даже не глянул, пошли за ним пацаны или нет. Не могли не пойти. Багор он отбросил на ходу, стриженному в нос вlepил кулаком, да со всей дури. Бугай дернулся, но Рэм снова сгреб его в охапку, оторвал от земли, перевернул в воздухе, на этот раз приложил его головой к земле с разгона. А Беляш, Весельчак и группа поддержки уже рядом, снова застучали кулаки по мордам, затрещали кости. Но рэкетиров хватило ненадолго, рванули к воротам так, что пятки затрещали.

– Обрато с волынами подъедут!

Беляш улыбался во весь фейс, восторг победы подавлял в нем тревогу за будущее.

Рэм повернулся к нему, взглядом объяснил, на каком приборе он крутил эти волыны, широко улыбнулся.

– Ну, здорово, братан!

С Беляшом и Весельчаком он обнялся, а с щуплым обменялся рукопожатием. Видел, как махался Костя, видно, что карате в свое время занимался. Второй, повыше и помощней, тоже успел кого-то пнуть, Рэм познакомился и с ним.

– А ты торгуешь здесь, Леша? – спросил он.

– Ты мне палатку снес! – улыбнулся мужик.

– Не моя вина.

– Я и сам за Дашу заступиться хотел, да не успел.

Даша уже совсем рядом, объятия пора раскрывать, но Рэм смотрел Леше в глаза. А ведь не врет. Или не совсем врет. Даша для него не пустой звук, но одно дело хотеть, и совсем другое – мочь. Сам Леша в драку за Дашу не полез, испугался, зато Рэма поддержал. И это реально крутой поступок. Потому что теньевые хозяева рынка скоро вернуться, и Леше придется держать перед ними ответ.

Лицо у мужика крупное, круглое, глаза маленькие, нос картошкой, волосы жидкие, как трава на болоте, плешь просматривается. Лет тридцать пять, совсем уже взрослый. Обручального кольца на пальце нет. Рэм интересовался семейным положением на случай, если Леша всерьез запал на Дашу. А девушка она взрослая, двадцать четыре года, морочить ей голову Рэм никому не позволит. И Леше башку свернет, если вдруг он решит ее поматросить.

– Рэм!

Даша прыгнула на брата, чуть с ног его не снесла. Волосы у нее роскошные, коса всем на зависть, но в остальном, мягко говоря, ничего особенного. Не красавица Даша, и весовая категория неважная. Это мужчина хорош в полутяжелом весе, а женщине нужно как минимум задуматься о диете.

И мама у Рэма в тяжелом весе, и сына она обняла от всей души – хорошо, кости у него крепкие. Одно испытание на прочность он уже прошел, в ближайшем будущем предстоит другое. Возможно, последнее в жизни.

– Мама, Даша, давайте домой! – Рэм погасил радость встречи. – И ты, Леша, сворачивай удочки! Костя, то же самое!..

– Э-эй, вы что, сговорились? – хлопнул вдруг в ладоши Весельчак.

От ворот к ним на всех парах катил Вася Чумаков, в расшитой золотом парадке, дембельские погоны в белой окантовке, по три лычки на каждой, китель с «декольте» до пупа, голубая тельняшка, берет, автомата для полного комплекта десантуры не хватает. Рэм издали слышал, как трещит по швам китель. Выше ростом Чумаков не стал, куда уж дальше, а в плечах конкретно раздался. Спинка носа искривлена, примятая, как будто его сапогами каждый день били. Раньше с носом нормально все было.

Рэм хорошо помнил, как они уходили в армию, он, Чумаков, Лука и Бурый. Начудили они в девяностом, с фабричными жестко схлестнулись. Пацанская контора к этому времени сдулась, патрули, махачи, сходки стремительно уходили в прошлое. И Рэм охладел к движению, закончил технарь, устроился на работу, о женитьбе стал подумывать, и пацаны остепенелись, особенно старшаки, в общем, ничего не предвещало большую драку. А надо же, так сошлись, что менты на дыбы встали, и за Рэмом пришли, и за Лукой, многие тогда пацаны оказались в зоне риска. Рэм уже и не помнит, кто предложил переждать шухер в армии, но на призывной пункт они пришли толпой. Рэма, как и Чумака, взяли в десант, но на областном пункте переиграли, в мотострелки загремел. Луку в ракетчики определили, но больше всего повезло Бурому, в морфлот на три года влетел, еще не скоро вернется.

– Небанальный день! Рэм, братуха! – Чумаков раскинул руки.

Он улыбался, радуясь долгожданной встрече, но при этом озадаченно смотрел на заплывший глаз Рэма. Хорошо его распечатали, качественно, но зубы вроде целые, это главное.

– Что у вас тут за дела? Я иду, смотрю, бегут, драка, говорят, на барахле.

– Да я и сам бы хотел знать, что у нас тут за дела! – Рэм резко глянул на Беляша. – Кто это здесь так нагло наш асфальт топчет?

– Так солнцевские это, барахолка открылась, они сразу приперлись.

– Солнцевские, ну как же без них? – скривил губы Рэм.

Пацанская движуха у него в крови, сам в конторе состоял, казанским подражали, люберецким, про солнцевских слышали, но краем уха. Люберецкие гремели, Москву на уши ставили, пока не успокоились. Пацаны повзрослели, вытряхнули дурь из головы, движение шло на спад, пока снова не громынуло. Люберецкие сошлись с долгопрудненскими за контроль над Рижским рынком. Но это схлестнулись за место под солнцем самые отчаянные пацаны, те, которые не боялись поплатиться своей свободой, а то и головой за недетские шалости. В моду вошел рэкет со своими звериными законами, люберецкие бандиты, долгопрудненские, солнцевские объявились, эти скооперировались с ореховскими, очень серьезные ребята. И это расклад на девяностый год, а сейчас девяносто второй, Рэм уже и не знал, кто на ком стоит, но догадывался, что солнцевские стали еще круче. И опаснее. А он перешел им дорогу. Тихо пока, но душно, гроза возвращается.

– Слышал, слышал, – закивал Чумак. – Пол-Москвы, говорят, держат.

– И эта половина Москвы давить нас будет, – Рэм тяжело смотрел на Васю.

Он-то свой выбор сделал, ему деваться некуда, будет биться до конца. И Беляш вмазался, и Весельчак, а Чумак еще может соскочить.

– Или ты не с нами? – в упор спросил Рэм.

– Как это не с вами? – Чумак приложил пальцы к тельняшке, как будто собирался рвануть ее на себе.

– Если разбегаемся, держать никого не буду! – Рэм глянул на Беляша, на Весельчака. – Сам буду!

– Самого тебя вымочат и высушат, – усмехнулся Егор. – А с нами хоть какой-то есть шанс держаться на плаву.

– Если высушат, то вместе с нами, – кивнул Чумак.

– А может, и мы высушим, – пожал плечами Весельчак. – Вон сколько пацанов без дела маются...

– Сколько? – резко спросил Рэм.

– Ну, Дылда, Кайзер, Марат, Хамид... Молодняк подрос, копытом бьет... Фабричных можно подтянуть, мы с ними уже не бодаемся... Короче, соберем толпу.

– А солнцевские с вольнами подтянутся.

– Может, солнцевские, а может, залетные. Сейчас все, кому не лень, солнцевскими называются. Куда ни плюнь, ореховские, бауманские, измайловские, коптевские. Тьмутараканскими никто не хочет быть. А знаешь, сколько их здесь, таких залетных... Ты кого-нибудь из этого бычья знаешь? – обращаясь к Беляшу, спросил Весельчак.

– Не видел никогда.

– Понаехали? – спросил Рэм.

– Так все хлебные места в Москве, а все уже поделено. Бауманы центр держат, коптевские север, солнцевские с ореховскими юг и запад, измайловские – восток. Мы где-то посредине, между измайловскими и солнцевскими.

– Все-то ты знаешь, братан!

– А ты бы с мое помотался... – начал было Весельчак, но Беляш его перебил.

– Рэм, ты даже не представляешь, как трудно в Польшу мотаться, то с одной пшечкой, то с другой... Сколько их там у тебя? – Егор положил руку Мише на плечо.

– И румыночка есть! – расплылся в улыбке Весельчак.

– Будет у вас сейчас и румыночка, и полька-бабочка! Если толпу не соберем!

Рэм до упора зарядился на драку, бегать он ни от кого не собирался, значит, нужно поднимать народ. На священную войну за территорию своего района. Никто из чужаков не смеет топтать асфальт Теплоцентрали.

Глава 2

Дом с видом на реку, до хруста чистый воздух, настоянный на еловых и сосновых шишках, свой пруд, в нем два белых лебедя, а третий стоял на мостике, бросал в воду хлеб. Викентий называл Ульяну лебедем за ее длинную красивую шею и невероятную грацию. Платье на ней белое, шелковое, оно так плотно облегалo тонкое гибкое тело, что самому захотелось превратиться в лебедя и взять свою самку с высоты птичьего полета. Клюв наострился до изнуряющей вибрации в теле, кричащие низины души требовали разрядки. Но у ворот дома просигналила машина, от злости Викентий заскрипел зубами. Сигнальщик в Серебряном бору мог позволить себе только Артамон. Сам Артем называл себя Атаманом и требовал того же от своих бандитов. Но Викентий не подчинился ему, скорее, наоборот. Тем более что он имел полное право называть своего школьного друга просто по имени. Похоже, уже бывшего друга. Хотя бы потому, что с Артамоном просто невозможно больше дружить.

Подъехал Артамон на новенькой «девятке», из машины вышел с таким видом, как будто круче тачки в природе не существовало. Рослый, фактурный, но не аристократ, плоть от плоти сермяжный мужик. Черты лица простые, вроде бы правильные, нос прямой, но нет запоминающейся изюминки. И взгляд не очень умный, хотя и не тупой. Лоску в нем не больше, чем у хорошо устроившегося в жизни бандита.

– Здорово, братан!

Артамон поднял руку и раскрыл ладонь, Викентий всегда терялся, когда он так делал. Протянешь ладошку навстречу, а он возьми да убери руку, да еще и рассмеется в лицо. Он же крутой авторитет... в собственных глазах. И попробуй скажи Артему, что он всего лишь бандит на побегушках у банкира Викентия Верлинского. Не разозлится, нет, просто не поверит. А может и разозлится. Характер у него, в общем-то, паскудный.

Викентий поморщился, глядя, как Пахом закрывает калитку за незванным гостем. Хороший у него телохранитель, дело свое знает, всегда рядом, все видит, все замечает. Только вот Артамона за шкуру взять не может. Возможно, потому что прямой команды нет. Викентий, честно говоря, и сам побаивался Артамона. Хотя ему и удавалось держать марку. В целом.

– А где Ульянка? – Артамон обшарил взглядом пространство перед домом.

– Тебе зачем? – гневно глянул на него Викентий.

Но с Артамона как с гуся вода, улыбается как придурок, так, как будто с ровней разговаривает.

– Так обнять. И поцеловать. По-братски.

– Обойдешься. Зачем приехал?

– Так поговорить.

– Говори!

– Что, и чаю не попью? – Артамон кивком указал на дом.

– Дома попьешь.

– За Ульянку обиделся? Ну так я ж не виноват, что она у тебя такая красотка. Может, я спать не могу, все думаю о ней.

– Ты начинаешь меня бесить! – сквозь зубы процедил Викентий.

Он сразу после школы приехал в Москву из Горького, поступил в институт, шесть лет отпахал инженером на заводе, в восемьдесят восьмом году основал свой кооператив, основное занятия – экспорт отходов цветной металлургии в обмен на персональные компьютеры, пришлось, конечно, поднатужиться, не простое это дело – протапывать дорожку за кордон. Но Викентий справился, дело пошло. Еще он строил дома – для партийной и торговой номенклатуры, преуспел и в этом, роскошный дом в Серебряном бору тому подтверждение. Строил для

кого-то, а поселился сам. Жаль, земля в аренде у Мосдачтреста, но приватизация в стране уже идет полным ходом, так что вопрос рано или поздно будет улажен.

Викентий уже зарабатывал миллионы, а его школьный дружок груши в Горьком околачивал, тренером по боксу работал, пока за пьянку не выгнали. На встрече выпускников пересеклись, Артамон прикинулся крутым, расфуфырился, рассказал, какая у него лихая банда из бывших спортсменов, предложил сотрудничество. Викентий уже тогда возглавлял коммерческий банк, Москва кишела бандитами, вот он и купился на безумную идею Артамона, взял к себе на довольствие этого пса, который не очень-то и хотел становиться цепным. И все посматривал на Викентия как на свою законную добычу. Сколько раз мама говорила, нельзя пускать козла в огород.

– Все, забыли про Ульянку! – вскинул руки Артамон.

– Ты забыл!

– Забыл, забыл... Вопрос у меня к тебе на сто миллионов.

– Говори.

– Проблемы у нас, волыны нужны.

– Я должен купить тебе оружие?! – взвился Викентий.

– Да нет, стволы у нас есть, но ты сказал, что на рынке не должно быть никакой пальбы.

– А у тебя проблемы?

Викентий нервно глянул на Пахома. Ну когда у этого кретина включится голова? Неужели не понятно, что Артамона нужно вышвырнуть за ворота, как шелудивого пса!

– Ну, возник вопрос.

Викентий хорошо помнил, как в самом конце восьмидесятых кооператорам перекрыли дорогу за бугор. Спихватились кремлевские старцы, испугались, что на экспорт могут вывезти всю страну, наложили запрет на внешнеэкономическую деятельность. Викентий, конечно, выкрутился, наладил новые каналы сбыта, но на это ушло время. А бизнес продолжал крутиться, но уже внутри страны. Компьютерное программирование, строительство, аренда жилья, пассажирские перевозки, ресторан кооперативный открыли, продуктовый магазин. Он и сейчас торгует страной, вывозит за границу нефтянку, лес, удобрения, в общем, все, что пользуется спросом. Но все это может накрыться медным тазом, поэтому внутренний бизнес остается, торговля, транспорт, гостиничный бизнес. Рынок в районе пятнадцатой ТЭЦ всего лишь малая часть его интересов, но направление перспективное, район Третьего транспортного кольца, станция метро, удобный подъезд, а главное, пустырь на редкость большой, есть куда расширяться. Меньшую часть пустыря он взял в долгосрочную аренду через мэра, с большей надо будет решать вопрос с министерством топлива и энергетики, опять же через городскую администрацию. Но пока что рынок особых доходов не приносил, и Викентий решил отдать его на кормление своим ручным бандитам. А они, конечно же, установили там свои порядки.

– У тебя вопрос, а я должен дать ответ? – возмущенно повел бровью Викентий. – Побили твоих, а ответ должен дать я?!

– Ты в курсе?

– Я же не ты, у меня всё под контролем. И заметь, никакого беспредела. Это ты лес рубишь – щепки летят, торгашей своих замордовал, как они у тебя еще не разбежались?

– Кто меня уважает, у тех все путем!

– На бабу полез, за волосы схватил, ведешь себя как хамло трамвайное!

– Ну, бабу на кулак Лапоть намотал.

– Да хоть волкодав! Ты за все в ответе.

– Нет у меня волкодава, – нахмурился Артамон.

– Зато у тебя проблема с местной братвой есть!

– Да какая там братва? – скривился Викентий. – Так, шелуха... Волын у них точно нет.

– Шелуха? А чего ты подъехал? На Ульяну посмотреть?! Так я журнал тебе с голыми бабами дам! И вали в свой Нижний, там на порнуху смотри!

– Эй-эй, потише! Коней загонишь!

Викентий кивнул, соглашаясь, что перегнул палку. Но его продолжало нести.

– Да от твоих коней толку никакого!.. Зачем ты здесь?

– Стволы мне нужны.

– Твой рынок, делай что хочешь, мне все равно!

– Даже так?

– Только меня к своим разборкам не привлекай. Завалишь ты кого-то или нет, я в любом случае не при делах, это понятно?

– Так никто ничего не вешает. А завалить мы можем... Толпа там серьезная собралась, человек сорок. А у нас полтора десятка. Пацаны там под люберецких в свое время косили, конкретно накачаны, и стенка на стенку только в путь.

Артамон улыбался, делал хорошую мину, но голос едва заметно дрожал.

– Чем я могу тебе помочь? Ульяну к этим люберам доморощенным отправить? Чтобы она уговорила оставить вас в покое? А то, я смотрю, эти парни не хотят слушать твоих девочек, которых ты называешь боксерами.

– Ты их боксерами называешь! – разозлился Артамон.

– А на самом деле они девочки?

– Слышь, ты говори, да не заговаривайся!

– Чем я могу тебе помочь?

– Ну, право на отстрел этой дичи хочу...

– Не будешь ты стрелять! – отрезал Викентий.

– Почему это?

– Потому что груздем назвался. А в кузове для тебя места нет!

Артамон умел делать умные глаза, на самом деле смышлением у него туго. Надо было сначала спросить, а потом уже козырять принадлежностью к солнцевской братве. У самих солнцевских и мог спросить, у Викентия имелся на них выход. Сергей Анатольевич у них человек умный, дипломатичный, продуманный от и до, не такой дуболом, как некоторые. Это ведь он придумал продавать права на свой бренд, а Викентий мог замолвить словечко за Артамона. Но этот баран уже вломился в чужой дом, поздно уже спрашивать разрешения войти. Если Михась узнает... А он рано или поздно узнает, Артамон стремится, чтобы это случилось поздно. Поэтому не станет поднимать шум, стенка на стенку – это одно, а стрельба с трупами – совсем другое. И менты на уши встанут, и братва, начнутся выяснения...

– Это ты про солнцевских?

– Знаешь, где тебе голову напекло, – усмехнулся Викентий.

– Ну так пошутили мы, на стрелке скажем, что новгородские мы.

– На тебя вчера еще наехали, а стрелки еще не было.

– Так со стволами надо.

– Не будешь ты стрелять. Да и не поможет тебе стрельба. Если уже все серьезно. Завтра будет еще серьезней.

– Не то чтобы серьезно, – замылся Артамон. – Просто этот Камень еще пацанов наберет.

– Кто?

– Камень, главный у них. Рэм Каменев, реально крутой черт. А мы его из табакерки... Как теперь обратно засунуть?

– Как бы тебе самому эту табакерку не засунули, – усмехнулся Викентий.

– Камень рынок под себя взял, пацаны его с кастетами ходят, монтировки там у них по углам на случай шухера. Ножи есть... Может, и волыны. Этот Камень сам из армии только что

вернулся, еще и дружбан в один день с ним. Еще там, говорят, кенты на подходе. Их там целую толпу в один день забрили, драка, говорят, сильная была, моталка на моталку...

– Что ты там все бормочешь? – Викентий наслаждался, глядя на подавленного Артамона. А такой весь расфуфыренный подъехал, кум королю, а на деле полные штаны.

– Проблемы, говорю, у нас!

– Да нет, братец, проблемы у вас! И сам ты решить их не можешь.

– Могу! Только шумно будет!

– Не надо шумно, нужно тихо.

Викентий с удовольствием задушил бы Артамона как щенка. Но с кем тогда перспективный в общем-то рынок держать. Свято место пусто не бывает, освободившуюся вакансию вмиг займет какой-то Камень. Или уже занял. Артамон хоть и наглый жук, но место свое в целом знает. Он, конечно, сукин сын, но свой сукин сын.

И Ульяна сучка. Но своя сучка. В Москву откуда-то из Липецка приехала счастья искать, с прошельгой одним спуталась, он быстро нашел ей применение. Викентий стал ее первым клиентом. И последним. Но это она так говорит, что первым, а как там было на самом деле, он старался не вникать. Вера в хорошее усыпляет душу и спасает мозг.

...Ульяна так и стояла на мостике, лебедей уже не кормила, просто в грустном раздумье смотрела на темную воду.

– Утопиться хочешь? – с усмешкой спросил он.

Ульяна вздрогнула, большими глазами посмотрела на него.

– Нет!

– Тогда пошли! – изнывая от нетерпения, он указал на дверь бани.

До дому пока дойдешь, а тут всего-то несколько шагов.

Ульяна покорно кивнула, она все поняла, зашла в сауну, повернулась к нему, обвив руками шею, прижалась передом, потерлась, изображая прилив страсти. Но в глубине глаз холод, не мил ей Викентий, он дорог ей как неиссякаемый источник денег.

– Не так!

Викентий взял ее за плечи, надавил вниз, но Ульяна заупрямилась, нахмурила брови. Невинность из себя изображает. После того, как за деньги предоставляла клиентам все виды услуг. Все!.. Викентий представил, как какой-то волосатый образина ставит обнаженную Ульяну на колени, пристраивается сзади, и от злости вошел в резонанс со своими желаниями. С еще большей силой надавил на Ульяну, и она наконец-то опустилась перед ним на колени, сама расстегнула пояс его брюк. Ну вот и ладненько, а то строит из себя!..

Глава 3

Третий день уже на исходе, а солнцевских все нет. Неужели сдулись? Это вряд ли. Рынок на развилке двух магистральных шоссе, деньги здесь крутятся только в путь. Весь асфальт заставлен палатками, покупатели уже протоптали сюда дорожку, товар хорошо расходуется. Солнцевские взымали с торговцев арендную плату, Рэм пока не знал, сколько они с этого имели, но понимал, что немало. Он мог и сам обложить рынок данью, но не для того же он бросил вызов прежним хозяевам, чтобы отбирать кусок хлеба у своей матери, у соседей, которые торговали здесь, а знакомых здесь хватало.

Рабочий день заканчивался, покупатели продолжали идти, а продавцы потихоньку сворачивались. С одной стороны, все правильно, рабочий день закончился, пора на отдых. Но с другой, в середине июня темнеет поздно, спрос на товар есть и вечером, а предложение скоро сойдет на нет, а это, как сказал Весельчак, упущенная прибыль. Он же предложил организовать вторую смену в торговле, но Рэм послал его лесом. Они еще не хозяева на этом рынке, рано им устанавливать свои правила. А хотелось бы. Толпу Рэм собрал неслабую. На общественном интересе, по опыту прошлых лет, но с прицелом на материальную заинтересованность нового времени. Это их пустырь, здесь они хозяйничали в недавнем прошлом, и в настоящем имеют право на свою землю. В том числе и на рынок. А база у них здесь реальная, целый бункер под землей, за час не обойдешь.

Весельчак пыхтел, тужился на турнике, бык он здоровый, но лишнего веса набрал, не вытягивает.

– Небанный день! Четыре раза – это неуд, боец! – Вася Чумак хохотнул, влепив ему ладонью по заднице.

– А давай на штангу! – взвился Весельчак. – Если моя возьмет, тебе сапогом по заднице!

– А если моя? – Чумак скинул фланелевую рубашу и остался в одной тельняшке.

Теплоэлектростанция старая, вокруг столько микрорайонов понастроили, мощности на все давно уже перестало хватать, еще в начале восьмидесятых заложили корпус машинного зала. Замахнулись на рубль, подвал в два этажа вывели, а ударили на копейку. Строительство заглохло на нулевом уровне, обещали продолжить, но уже девяносто второй год, Союз Советских накрылся медью, и новой электростанции точно не будет.

Но нулевой цикл возвели на совесть, верхнее перекрытие подвала цельное, плотно залито бетоном, воду держит не хуже законченной крыши. Отопления в подвалах нет, но в теплое время здесь рай земной, просторно, сухо, не то что железо таскать можно, а в футбол играть под генераторным цехом. Места столько, полк расквартировать можно.

Не так давно за эти подвалы шли бои. Ткацкую фабрику и теплоцентраль разделяла 4-я Фабричная улица, упирающаяся в Подснежную. Новую станцию строили как бы на нейтральной территории, но Беспалый первым объявил подвал собственностью Теплоцентрали. Беспалый уже взрослый мужик, семья у него, двое детей, работает, как все, бункер давно уже обходит стороной. И сменивший его Астафий выпал из течения. Да что там говорить, совсем заглохло. Еще в девяностом братва перестала собираться в подвалах, фабричные могли взять святыню Теплоцентрали голыми руками, но и они потеряли всякий интерес к этой теме. Хотя молодецкий задор угас не совсем, угольки в пацанских сердцах остались, нужно было всего лишь плеснуть на них бензинчика, чтобы вспыхнул пожар. Даже фабричные здесь, Ключ, Шляпа, Свистун, Хома. Два года назад «тепляки» бились с фабричными не на жизнь, а вчера бухали вместе, отмечали возвращение и строили планы на будущее. Столько Рэм дел переделал за неполные три дня, почти сорок бойцов у него под рукой, как минимум половина из них реально стоящие пацаны.

В родных катакомбах навели порядок, Рэм организовал учебный процесс, благо в армии замещал командира взвода, старшим сержантом на дембель ушел. И Чумак знал толк в армейской науке, и это уже не детский сад, а реально боевая школа. Стволы, жаль, нет, а то место для тира есть, на самом нижнем ярусе бункера, там тоже сухо, но темно, свет туда не проводили, но все возможно.

Слух о том, что Рэм бросил вызов солнцевским, облетел всю округу, пацаны продолжали стекаться в подвал. Рэм не удивился, когда подошли еще двое. Но с трудом сдержал эмоции, узнав в одном Астафия и Картоху. И эти подтянулись, как будто их кто-то звал.

– Ну здравствуй, Рэм!

Астафий распрямил спину, втянул живот, плечи держал на всю ширину, это давалось ему нелегко, тужился, скрипел изнутри, как бы ветры не пустил с натуги, пуп земли.

Рэм поздоровался и с одним гостем, и с другим.

– Как настроение? – продолжал давить Астафий.

Картоха молчал и правильно делал. Пока молчал, казался умным, а заговорит – все невпопад. Послушаешь – дурак дураком, зато в драке Картоха первый. Правда, давно Рэм не видел его в деле. Астафий, тот еще подавал признаки жизни в девяностом, отговаривал Рэма от драки с фабричными. Правильные вещи, в общем-то, говорил, но Рэм его не послушал. И сейчас слушать не хочет.

– Боевое.

– Это хорошо. Впереди у нас много славных дел.

– Да, – с важным видом вставил Картоха.

– Слышал я, ты команду нашу собрал. – Астафий набрал в легкие воздуха, прежде чем перейти к главному вопросу.

– Нашу с кем? – в упор спросил Рэм.

– Нашу команду! Мы вот слевой, ты, пацаны, – Астафий сжал кулаки от внутреннего напряжения. – Я к Беспалому заходил, он сказал, что мы правильно всё делаем. Барахолка должна быть нашей!..

– Ты у руля, я на подхвате?

– Беспалый должен подойти, надо будет обсудить.

– Рэм, солнцевские подъехали! – как резаный заорал сверху Карапет.

– Здесь будь, потом поговорим!

От прилива эмоций Рэм завибрировал как рельса, на которую накатывал поезд. Долго готовились солнцевские, видно, силы собирали, стволы начищали, сейчас навалятся всей толпой.

Из подвала Рэм выходил в полной готовности умереть с достоинством. И пацаны шли за ним в угрюмом молчании, слышно было, как гудит земля под их ногами. Одеты бедно, но по-боевому, спортивные штаны, куртки, ветровки, которые не жалко порвать в драке, у всех монтировки, обрезки труб, настрой решительный, что уж тут говорить.

Зато солнцевские явились как на парад, на пустыре перед рынком выстроились в шеренгу четыре иномарки, все черные, с зажженными фарами, бойцы в кожаных куртках, в солнцезащитных очках, десятка полтора, не меньше, все как на подбор. Куртки нараспашку, возможно, под ними прячутся стволы.

В какой-то момент Рэм почувствовал себя Александром Матросовым, грудью на амбразуру вражеского дзота. А назад пути уже нет.

Рэм пытался, но так ничего толком о своем враге и не узнал, кто они, где обитают, где их искать. Днями отсиживались в небольшом кафе через дорогу от рынка, на ночь уезжали. Вчера в этом кафе они не появлялись, владелец точки ничего про них сказать не мог, он же не враг своему здоровью. Назвал только несколько кличек: Артамон старший, два бригадира – Лапоть и Жила. Все, больше никакой информации. Но сейчас Рэм рассчитывал найти в толпе хотя

бы пару знакомых физиономий из тех, с кем он имел дело позавчера. Но увидел только одно знакомое лицо. Как-то подъезжали к ним пацаны из соседнего района, подвалы осматривали, завидовали, что у них такого бункера нет. Восемьдесят седьмой год, кажется, Рэм еще только в силу входил. Беспальый тогда бал правил, Астафий, Картоха. Видно, кто-то из соседей затесался в ряды Артамона солнцевского. А может, и не солнцевского вовсе. Не слышал Весельчак, чтобы у солнцевских Артамон был. Но Весельчак много чего не знал, хотя и старался держать нос по ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.